

Народный артист

А. Н. ГРИБОВ.

Мысли о пережитом

— Алексей Николаевич, вам выпала редкая доля — прожить целую, почти полувековую жизнь во МХАТе...

— В семьдесят лет, наверное, можно признаться, что доля эта была не только желанной, но и счастливой. Я счастливый человек. Судьба жаловала мне долгое (завидно долгое по нынешним временам!) постоянство. Я настолько жгился с МХАТом Станиславского и Немировича-Данченко, что и сегодня расстаться с ним я не в силах. И не вижу другого театра, в котором смог бы найти себе применение...

— А как вы оцениваете свою работу в кино? Ведь этому тоже отдало немало сил, мастерства и времени...

— Времена отдало действительно много. Тридцать пять лет! Но результатами, по правде сказать, я не очень доволен. Когда я только пришел в кино, то мечтал постичь, открыть тайны этого нелегкого жанра. Однако до сих пор мне мало что удалось сделать. В кино столько сложностей, что многие из них и по сей день остаются для меня недоступными. Работа киноактера стеснена множеством самых неожиданных обстоятельств, вплоть до того, что фильм часто начинаешь играть с конца или с середины, а уж потом, может быть, и доберешься до начала. К тому же съемки могут идти с разрывом в несколько месяцев. Даже и роль-то успеешь забыть. В кино нужен особый актерский тренинг, чтобы преодолеть эти сложности, чтобы ничто актера не стесняло в работе над фильмом. А этого еще никто не придумал...

— И все-таки поистине народную любовь и признание вам принес кинематограф...

— Моя неудовлетворенность и успех, как это ни странно, не противостоят друг другу. Я не удовлетворен тем, что мне не удалось постигнуть киноискусство в такой же мере, как театр. Театр мне ближе и понятнее. Ему я принадлежу весь, всей душой, всем сердцем. Большинство театральные сложности, загадок я сумел понять, разгадать, наконец, даже почувствовать, пережить... Это я и называю жизнью в театре. Подобной жизни в кино не случилось, хотя я снимался охотно и много усердно работал, не щадя себя...

Жизнь моя наполнена только театром. Я растворен в нем, поглощен им одним. И более высокой страсти не знал никогда.

— Алексей Николаевич, ваша последняя новая работа на сцене Фома Опискин в спектакле «Село Степанчиково»...

— Ну, не такая она и новая, если на днях я сыграл пятидесятый спектакль. Хотя другой, более новой, пока действительно нет.

— Эта роль, наверное, интересна вам. И сыграна она мастерски (об этом вам, возможно, много раз говорили). Фома неутомим в незумитском (еще живучем) стремлении истязать своей «персоной». Он талантливо изобличен. Но у меня создалось впечатление, что в заключительных сценах спектакля ваша собственная человеческая природа возобладала над жестокостью Фомы. Ваше мягкое, доброе лукавство облагораживает поступки Опискина. А может, мне это лишь показалось...

— Боюсь, что не показалось. Фома меня мучает с первых репетиций. Я был недоволен собой, недоволен, что мне не удалось сразу «выписаться» в сложный мир Фомы, понять огромную силу этого человека, подчинившего себе всех обитателей села Степанчиково... Я горел нетерпением разобраться. Влез в книгу Достоевского. Вытеснить «себя из себя» — это мучительно трудно. Во мне как человеке, как индивидуальности нет ничего из того, что характерно для Фомы. И если он в некоторых сценах получился мягче, чем в Достоевского, то в этом виноват только я. Видно, еще до конца я в нем не разобрался: не все открыл, не над всеми его поступками именно контроль! Это происходит не сразу... У меня не было ролей, заставших с премьеры. Как правило, премьера лишь начало, лишь первая примерка. Когда-то на афишах МХАТа писали о первом (премьерном) спектакле «В 1-й раз». Довольно точно. Сыграно лишь в 1-й раз. И вот, сыграв уже пятидесятый раз в «Селе Степанчикове», я по-прежнему живу Опискиным, а он живет во мне.

— Чем вам дорог русский театр?

— Своим возвышенным, глубоким реализмом. Тем, что он всегда стремился познать, раскрыть природу и душу человека, его внутренни духовный мир. Вы скажете, что к этому стремится любой театр. Может быть, это и так. Но в самом начале нашего века именно русский театр Станиславского и Немировича-Данченко первым сумел облечь жизнь в такие формы театрального представления, сумел найти такие художественные и выразительные средства, что все это вместе позволило создать на сцене МХАТа целый ряд блестящих, достоверно жизненных произведений, которые стали эталоном реалистического театра. Самого глубокого и самого содержательного театра из тех, что мне привидилось встречать в своей жизни.

— Несомненно, одним из таких спектаклей является «Горя-

чее сердце» Островского, в котором вы тоже играете. Помните ли вы первый состав, тот, который начинал работу над спектаклем вместе со Станиславским?

— Конечно, помню. Это было в 1926 году. Я играл тогда маленькую, почти бессловесную роль полицейского унтер-офицера Сидоренко... После того, еще два состава. Но от того,

ДЕСЯТКИ миллионов людей в нашей стране знают Алексея Николаевича Грибова в лицо. О нем говорят всегда тепло, уважительно, как о близком, дорогом человеке... Сын шофера, в четырнадцать лет — рабочий Московской шелкоткацкой фабрики, в двадцать два — артист Московского художественного театра. И уже четверть века народный артист СССР.

Алексей Николаевич начинал у великих режиссеров русского театра Станиславского и Немировича-Данченко. Они укрепили в нем веру в его собственные силы, открыли и отшлифовали его недоюжный талант.

В январе 1942 года Алексей Николаевич сыграл роль В. И. Ленина в спектакле «Кремлевские куранты», поставленном В. И. Немировичем-Данченко. «Испытываю подлинное удовлетворение, что увенчалась полноценным успехом ваша великолепная артистическая настойчивость», — писал Владимир Иванович А. Н. Грибову, — охватить роль синтезом высочайших идей и тончайших сценических приемов. Это было не только признание, но и высокая оценка учителя, который вдохновлял его большими идеями...

— БОЛЕЕ ВЫСОКОЙ СТРАСТИ НЕ ЗНАЛ

первого, нас осталось сейчас только трое — Станицыц, Ларин и я.

— А какой состав вам более всего памятен?

— Конечно, первый. Какие гиганты!.. Тарханов, Хмелев, Москвин, Ершов, Шевченко, Добронравов, Еланская... Спектакль был поставлен по инициативе тогдашней молодежи театра.

Для нас и сегодня это спектакль, поставленный учителем. Станиславский вложил много ума, сердца в спектакль. Он, как всегда, создал стройный, органичный ансамбль. И мы бережем «Горячее сердце» как память о великом учителе. Основа, фундамент, заложенный им, не разрушен. Хотя само здание несколько видоизменилось, что-то перестроено уже его учениками. Но ученики лишь часть учителя. Им самим трудно передать ту степень проникновения, тот заряд творческого вдохновения, которым обладал Станиславский. Не случайно он говорил, что создание искусства, родившееся на сцене, живет лишь одно мгновение, и, как бы оно ни было прекрасно, нельзя приказывать ему остановиться.

Мы, сегодняшние старики МХАТа, конечно, хотели бы сохранить для молодежи, для будущих поколений знаменитые спектакли зрелого Станиславского «Горячее сердце», «Мертвые души», «На дне».

В них сама система великого режиссера выражена с наибольшей силой. Они несут его идеи, оглашуты его чутким оком... Может быть, именно эти три спектакля даже нужно сохранить в такой исторической раме, с таким классическим исполнением. Сохранить их, как сохраняют великие полотна живописцев.

Но есть в таких спектаклях нужда и не только историческая, на мой взгляд. В драмах русских классиков — Гоголя, Достоевского, Толстого, Островского — актеру надо жить, а не играть, т. е. настолько надо владеть собой, чтобы душой и телом слиться со своим героем, стать в полном смысле образом. Потому как «дрознить образ может всякий» говорил Гоголь, а вот «стать образом может только большой артист». Больше не только талантом, но и мастерством, тактикой, силой перевоплощения.

Драма Островского «Горячее сердце» для современно актера — путь к мастерству. К сожалению, это не всегда и не всеми понимается даже в нашей мхатовской молодежной среде. Я далек от желания постариковски ворчать, но меня

беспокоит судьба современно актера в театре. Если Станиславский, столько лет (!) отдав театру, к концу жизни своей пришел к выводу, что все-таки «единственный царь и владыка сцены — талантливый актер», то я могу сказать, что сегодня талантливых много, но «владык», таких, что когда-то стояли в театре вровень со Станиславским, почти нет...

— Почему их нет, или почти нет, на ваш взгляд, если уж об этом зашел разговор?

— Талант, он, как говорят, от бога, а «владыка» от жизни, от воспитания, от занятости в театре, от умения режиссера вдохнуть в него жар, полноту мыслей и идей. В театр приходят уже готовые актеры. В том смысле, что в них проявился талант, они овладели техникой (владеют телом, умеют выражать чувства, имеют темперамент, умеют его эксплуатировать — это все техника). И все-таки этот готовый актер всего лишь «глина» — материал для работы. Так этого материала человеческого мы имеем предостаточно.

Проблема же куда более серьезная, чем может показаться на первый взгляд непосвященному в наше дело человеку. Она состоит в том, чтобы этих готовых актеров суметь объединить в ансамбль, в котором бы, как в хорошо отлаженном оркестре, каждый выступал в роли своего инструмента. Только своего. Иными словами, во главе этого ансамбля должен выступить режиссер, чтобы звуки души и сердца, выражаемые словами, зазвучали в полном согласии с партитурой драмы. Вот когда слово становится властелином людей!

Я бы не стал тратить столько слов и времени на объяснение этой простой, очевидной истины, если бы не видел, как трудно современному актеру. Трудно, когда режиссеры не следят за актерским ростом, мало разбираются в актерской индивидуальности, зачастую лишены чувства обновления, свежести восприятия... Все это вырастает в проблему (да еще какую!), когда режиссер видит в актерах лишь «исполнителей».

Когда встречаешься с этим в жизни, то особенно болезненно относишься к забвению уже добытого опыта. Помните горькое признание Станиславского, что, изведав в театральном деле все пути и средства творческой работы, отдав дань увлечения всевозможным постановкам самых различных художественных направлений и принципов, он пришел к твердому убеждению, что главная фигура сценического действия и произведения — талантливый актер.

На моих глазах рождался опыт и другого большого художника — Немировича-Данченко. Он самозабвенно верил, что режиссер умирает в созданном спектакле, умирает в актерах, обогащая спектакль и актеров своими идеями, мыслями, проникновением в человеческие характеры. Есть ли более высокая честь для художника, если с этой смертью рождается новое произведение, в котором именем его ничто не обозначено, вплоть до того, что и актер-то не всегда помнит, где ему помогли... Ради искусства, ради создания этого нового режиссеру приходится по-давить в себе и самолюбие, и тщеславие, и желание принять всю славу (даже и заслуженную) на себя. Для меня примером такого стиля режиссерской работы был Владимир Иванович Немирович-Данченко. Он умел руководить своими чувствами, умел объединить людей, вызвать у них уважение, стремление к общей цели...

Этого весьма недостает нынешним режиссерам. Они готовы вновь опробовать все уже опробованное, вместо того чтобы сделать шаг вперед, усвоив опыт, уже добытый...

— Алексей Николаевич, как вы видите будущее МХАТа? Живет ли в вас надежда, что мхатовские традиции еще долгое время будут оставаться в силе?

— Жизнь театра и долга, и коротка. МХАТу — за 70... Это много, но это и мало. Немирович-Данченко как-то в разговоре сказал, что театр одной школы живет несколько десятилетий, и это закономерно. Возможно, он был прав...

Жизнь идет вперед, растут люди, меняются условия, возникают новые ценности — духовные и материальные, идеи, мысли, чувства. И театр, как живой организм, как бы он ни назывался, под какой бы великой эмблемой ни существовал, должен идти в ногу с жизнью. Иначе ему грозит незавидная участь музейной реликвии. Живою стать музейной реликвией?! Жестоко! И пусть молодые строят новое, развивая лучшие традиции МХАТа, его великий сценический опыт. Пусть новые мхатовцы дадут новую жизнь найденному нами и признанному всем миром, как опыт одной из лучших театральных мастерских.

— Спасибо, Алексей Николаевич. Позвольте от имени наших читателей, от редакции познать вам доброго здоровья и еще многих лет успешного служения великому делу искусства.

Беседу вел А. ЛАРИОНОВ.